

Алиса Клевер

НЕЖНЫЕ ЯЗЫКИ ПЛАМЕНИ

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

СПЯЩИЙ
АНГЕЛ

Алиса Клевер
Нежные языки
пламени. Спящий ангел
Серия «Полночь по
парижскому времени», книга 12

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23514273

Аннотация

С трудом вырвавшись из пут Андре, своего дьявольски обаятельного жениха, Даша едет в Петербург к матери, чтобы уберечь её от надвигающейся опасности, ведь убийца уже дышит в спину. Об этом говорят все факты, собранные девушкой воедино. Картина складывается пугающая. Вот только Даша сильно ошибается насчёт того, кто является хладнокровным преступником...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Алиса Клевер

Спящий ангел

Все события, описанные в книге, являются вымышленными.

Любое совпадение персонажей, их имен, биографии с реальными людьми является случайным и ненамеренным.

*You try to make you believe in all of his lies
It's been a long, long, long, long, long, long time
Long time life¹*

Depeche Mode

*Неизбежность конца, мгновенный переход от бытия к небытию, зияющий вход в горнило испытаний, возможность ежеминутно скатиться в бездну – таково человеческое существование.
Виктор Гюго «Человек, который смеется»*

Тебе не убежать от тьмы. Она всегда идет за тобой.

Fable Хозяин теней

Knowing your own darkness is the best method for

---

¹ И ты пытаешься заставить себя поверить во всю его ложь, Уже долго, очень долго, очень долгое время. Время длиною в жизнь. Depeche Mode (англ.), (пер. авт.)

Он был совсем близко – возможно, сидел недвижимо в глубоком кожаном кресле напротив кровати и смотрел на меня, раздумывая, как теперь лучше со мной поступить. Спокойно, не торопясь и не поддаваясь панике или сиюминутному порыву придушить меня прямо тут, смотрел, как на редкого лесного зверька, случайно попавшегося в его силки. Он мог держать меня в своем плену, но этого ему было мало. Я могла представить себе его замешательство и досаду, его попытки *просчитать* меня, поиски лучших вариантов. Их не было, и именно поэтому ничего не происходило – час за часом Андре оставался для меня только шорохом, дуновением ветра в неподвижном воздухе комнаты, тихим вздохом, от которого я покрывалась холодным потом.

Сколько у меня еще есть времени?

Сначала было страшно, что я не могла думать спокойно. Андре схватил меня, скрутил мне руки за спиной и накрыл

---

² Только познав собственную тьму, можно справиться с тьмой в душах других людей. Карл Густав Юнг (англ.), (пер. авт.)

мой рот ладонью, чтобы я не кричала. Еще несколько часов назад все это было бы игрой, но теперь происходило по-настоящему. Я лежала на кровати, как была – в домашних штанах в клеточку и в майке. Связанные руки невыносимо болили, ноги напрягали меньше. Положение тела поменять никак не удавалось – распластанная, в повязке на глазах я потеряла ориентацию во времени и пространстве. Кляпа не было, но он и не был нужен. Кто нас тут услышал бы? Только мой кот, но его Андре мог не опасаться.

Сколько времени прошло? Несколько часов? В первый час меня просто трясло в лихорадке от страха, и я ничего не могла поделать с этим, но, оказывается, даже от страха можно устать. Мне казалось, что я чувствую тепло от тела Андре, но потом я вдруг пугалась того, что он давно ушел, а я лежу тут одна, и буду лежать так, пока... пока... Нет, я запрещаю себе думать об этом «пока». Иногда я шумно вдыхала носом и тогда чувствовала тонкий запах китайского ментолового масла, которым Андре обычно смазывал мне руку, чтобы татуировка заживала быстрее. Татуировка уже давно была в порядке, но Андре явно нравилось заботиться обо мне, и мне это тоже нравилось, поэтому я никак не препятствовала этим порывам, только иногда злилась, что мой жених относится к моему телу как к фетишу. Я говорила, что я все же человек, а не его кукла, и тогда Андре принимался смеяться. Я обижалась, а он целовал меня в нос и заверял, что

ни на минуту не забывает, что мое тело – это сосуд с душой и разумом.

Теперь я понимала, что он говорил правду. Он всегда помнил об этом, и теперь его больше интересовало то, что было в моей голове: мои мысли, моя память и все, что я знаю. Тело лежало усталое, опустошенное, не нужное. Я и боялась, и надеялась, что Андре не ушел, не бросил меня здесь одну.

Я уже не кричала, не билась и не просила развязать мне руки или открыть глаза, я знала – он не сделает этого. Андре поймал меня с поличным, я перешла черту, и все изменилось. Он вдруг стал так спокоен, задумчив и тих, словно чернокнижник перед жертвоприношением. Он не спрашивал меня, что именно я искала в интернете и чем это мне стал так интересен недавно почивший хакер, Дик Вайтер. Андре спрашивал меня, почему я ему не верю. Его не интересовало то, что мой бывший парень Сережа мертв. Андре спрашивал, любила ли я его хотя бы один день? Я молчала и плакала, слезы текли из-под темной ткани повязки, которой Андре завязал мне глаза. Плотная, анатомически изогнутая маска не давала мне подглядеть, и наконец, после всех наших игр и прелюдий, моя беспомощность и отчаяние стали настоящими, аутентичными. Я была напугана до смерти, я боялась смерти, я боялась Андре.

В какой-то момент, когда я потеряла счет времени и почти задремала – чудовищно, но усталость брала свое, – Андре подсел ко мне на кровать, к которой я была привязана, и погладил меня по волосам. Я дернулась всем телом, но только для того, чтобы вскрикнуть от боли в связанных руках. Потом мы долго молчали. Я сдалась первой.

– Отпусти меня, – попросила я срывающимся шепотом, и тогда Андре издал такой звук, словно захлебнулся воздухом. Больше ничего. Возможно, он и правда ушел.

Красавец и чудовище в одном лице. Мой Андре, мой прекрасный принц – он действовал на меня, как наркотик, завораживая своим серьезным лицом, удивительным магнетическим взглядом, непринужденной походкой человека, не ведающим, что такое боль. Высокий, молодой мужчина с прекрасной осанкой, сияющий здоровьем, полный жажды жизни, он всегда смотрел так, что, казалось, прожжет насквозь. Он знал, чего хочет, – он хотел меня, и я таяла от одной этой мысли. Кто бы не растаял?! Он воплощал в себе всё, что только можно искать в мужчине, обладал всем, о чем я только мечтала. Даже сейчас какая-то часть меня отчаянно цеплялась за сюжет старой сказки, и я говорила себе, что, может быть, если бы я поцеловала его всего один еще раз... Может быть, нужно было дать ему объяснить...

Мой прекрасный убийца. Теперь я понимала: он убил Се-

режу. Может быть, и Дика Вайтера тоже он убил. Если не сам, то как минимум знал об этом убийстве, имел к нему отношение, может быть, заказал его. Как это делается? Как можно вот так сидеть за каким-нибудь небольшим столиком в маленьком парижском кафе и размещать заказ – сначала на чашечку кофе, потом на человека. Ах да, Андре не пьет кофе.

Он и меня убьет. Ему просто нужно время. Ему нужно решить, как...

В одном я не сомневалась – он и в самом деле любил меня. Иначе нельзя было объяснить того, как долго он раздумывал и ничего не предпринимал. Всю эту бесконечную ночь Андре просто сидел, смотрел на меня и думал. О чем? Может быть, о том, чтобы все-таки оставить меня в живых? Он любил меня. Больше того, он желал мною владеть, и поэтому теперь ему сложно было просто так взять и стереть меня из своей жизни и из своей памяти. С Сережей было куда легче, его он ненавидел. Я вдруг вспомнила тот вечер, когда мы стояли в библиотеке в доме его матери, и глаза Андре горели неприкрытой ненавистью.

«Меня убивает сама мысль о том, что кто-то был с тобой, кроме меня».

Он хотел его убить, это не было просто желанием, это стало планом действий. Я не могла сказать точно, как именно все случилось и что произошло, но могла предположить. Теории – всё, что я могла себе позволить. Сережа увидел Дика Вайтера. Когда? Как? Я попыталась восстановить тот день поминутно. Руки невыносимо саднили, мешая думать, но я отодвигала боль на задний план, задвигала ее в верхний ящик комода, закрывала комнату с болью, выбрасывала ключ в воду огромного озера. Такая своеобразная медитация давала мне небольшую передышку.

Я стояла внизу, в зале, когда прибежал Сережа. «Это будет сюрприз, – сказал он. – Пойдем со мной!» До этого он отсутствовал. Вроде бы уходил за салфетками. Сколько его не было? Кажется, довольно долго. За это время он не только нашел салфетки, но и галерею, расположенную в совершенно другой, не гостевой части дома. Галерея в доме Габриэль находится так далеко, что в нее не забредешь просто так, случайно по дороге в кухню. Андре тоже не было, и я понятия не имела, где он. Я находилась рядом с мамой, по крайней мере, большую часть времени.

Значит, все произошло именно тогда. Сережа увидел Дика Вайтера, и Андре тут же подписал ему смертный приговор. Почему? Только из-за этого! Сережа увидел, что хакер, преступник, объявленный в розыск по всему миру – Дик

Вайтер – с комфортом проживает в доме знатнейшей французской семьи.

Значит, вот для чего Андре спровоцировал всю эту сцену с прощанием. Наверное, он решил, что так будет проще всего нас разделить. Сначала он увел меня, а позже, уже около больницы, Андре встретил Сережу. Возможно, это вышло случайно. Может быть, может быть. Я только строила догадки, опираясь на крупницы фактов. Беря в расчет видеозапись, которую мне показали в полицейском участке. Пьяный Сережа, полный вопросов и желания подраться. Это же идеальная возможность. Как, должно быть, это легко – справиться с пьяным. И все же... Андре ушел, практически не тронув Сережу и пальцем. А потом Сережа просто пропал.

Нет, не пропал. Его видела моя мама. Эта мысль пронзила меня, как ток. Моя мама. Андре наверняка не только обо мне сейчас думает. Моя мама. Получается, он пытался убить ее в Авиньоне? Это невозможно, у него не хватило бы времени, ведь он был со мной. Я перекручивалась и стонала, пытаюсь избавиться от веревок на руках, каждую секунду ожидая удара. Но его не последовало. Зато я все поняла. Простая мысль, до того ясная и очевидная, что до этого она просто никак не приходила мне в голову, заставила меня замереть на месте. Я попыталась успокоиться, а затем подняла сначала голову, потом плечи. Потянула руки, связанные в

запаястях, наверху. О, это было невыносимо больно. Я видела однажды, как йоги делают этот трюк: перекручивают сцепленные руки через голову, не разжимая пальцев.

– Вот черт! – стонала я, сожалея о том, что никогда не занималась йогой, только бегала и бегала. Суставы в плечах сигнализировали, требуя немедленно остановиться, но я уже не просто запирала боль в ящик комода, я завалила ее целыми руинами разрушенного города, моя боль лежала где-то в руинах. Я кричала и старалась не думать о том, что, возможно, наношу непоправимый вред своему здоровью, но я сделала это – в конце концов. С громким криком я перекрутила связанные руки через голову и сорвала маску с лица.

Андре в комнате не было.

* * *

Конечно, он был там не один, он никогда не был один. Глупо было считать, что такой мужчина, как Андре, мог быть один. Нет, не в этом дело. Не в том вопрос, сколько именно женщин было у Андре до меня и совместно со мной, главное – рядом с ним всегда была одна женщина, преданная ему всем своим красивым телом и больной душой. Одри. Они знали друг друга много лет. Она всегда была готова ради Андре на все и даже больше. Больше, чем даже он сам хотел, – иначе как объяснить, откуда появилась эта видеозапись. Ее

сделала Одри, и вряд ли Андре дал ей такой приказ. Фотографии из отеля, видео около больницы, бог его знает сколько еще неопубликованного материала. Одри была одержима, она постоянно играла в шпионов, она была больна, и контролировать ее было сложно. Но это не значит, что она не могла помогать Андре. Ради того, чтобы быть рядом с ним, Одри изображала влюбленную невесту для его брата. Она была вхожа в дом Габриэль.

Габриэль!

Мысли сыпались одна за другой, и по мере того, как я развязывала узлы, которыми Андре связал меня и привязал к кровати, узлы прошлого тоже распутывались – в моей голове. Конечно, Габриэль все знала, Дик Вайтер жил в ее доме, а Одри частенько бывала там. Если уж разобраться, Одри была там куда чаще одна, без Марко. Она обедала с Габриэль, покупала вещи, приходила попить чайку...

Андре – Одри – Габриэль. Великолепная, похожая на небожительницу с Олимпа Габриэль. Богатые и знатные потомки древнего французского рода. Я понятия не имела, что за темные дела творились в их доме, но в том, что Одри всегда была предана Андре и служила ему, – в этом я не сомневалась.

Мне уже удалось отвязать одну ногу, и я старательно работала над второй, когда этот звук заставил меня застыть на месте. Я услышала тихий шорох и заледенела от ужаса. Я знала, что мое одиночество временно и Андре может вернуться в любую минуту.

Но это был только мой кот Константин. Он зашел в комнату, остановился почти в дверях и посмотрел на меня долгим кошачьим взглядом.

– Господи, Костик! – прошептала я. – Тише, тише, милый... Только не приведи мне его!

Кот словно понял меня, он запрыгнул на кровать, уселся на другом ее конце и просто застыл, пока я разбиралась со вторым узлом. Пальцы почти не слушались меня, плечи невыносимо болели, перетянутые суставы онемели, но мне было плевать. Я забыла о боли, по крайней мере, на некоторое время. Раны заживут, если я уцелею. В конце концов веревки поддались, и я оказалась свободной, хоть и со связанными руками.

– Костик, иди сюда, – тихонько поманила я кота. Тот сидел не шевелясь и следил за моими действиями. – Ну же, что ты расселся, скотина кошачья.

Я попыталась дотянуться до кота, но тот встал и отскочил в другую сторону.

– Идиот, – прошипела я. – Решил остаться? Я уйду и уже

не вернуться, ты понимаешь, Константин? А ну-ка иди сюда!

Последнее я сказала громче, чем собиралась, и тут же замерла, пытаюсь понять, какие будут последствия. В доме было тихо, как в могиле. Возможно, Андре и вправду уехал, оставив меня, по его мнению, надежно связанную, чтобы... скажем, поговорить с отцом. Я не сомневалась, что вся их семейка была замешана в странном, не понятном мне до конца бизнесе, одним из этапов которого стала смерть Сережи, а другим – глядящий в небо фальшивыми голубыми глазами Дик Вайтер.

«Почему ты мне не веришь?!»

Как вообще он мог такое у меня спросить? Кот, кажется, осознал всю глубину угрозы оставить его одного в доме Владимира Рубина, потому что он вдруг сам подошел ко мне и дал поднять себя на руки. Я огляделась. Было так сложно принимать решения, да еще с котом в руках. Развязать руки мне так и не удалось. В кино герои с такой легкостью разматывают узлы, только лишь потянув за какой-нибудь конец веревки зубами. Я же чуть зубы не сломала, но руки мои так и остались спутанными. И я стояла, глядя то на приоткрытую котом дверь, то на окно. Спальня была на втором этаже. С котом и со связанными руками я не смогу вылезти через окно. Я просто грохнусь на каменную дорожку, которая вы-

ложена кругом вокруг дома. То-то будет Андре радости, что я сама покончила с собой, не заставляя его решать еще одну проблему. Как бы рискованно это ни было, я решилась и пошла к двери. Кот оттягивал руки, к тому же он вдруг решил передумать и начал попытки вырваться на свободу. Я как могла удерживала его, продвигаясь по коридору второго этажа к лестнице. План был такой – добежать до двери, которая вела из кухни в сад – она не имела замка, запиралась изнутри, как будто это был балкон. Проблема была в том, что делать, если там сидит Андре.

– Да тише ты, Костик, – пробормотала я, пытаюсь идти по лестнице вниз как можно беззвучнее. Получалось плохо, лестница была деревянной, из какой-то дорогой темной древесной породы, и ступени периодически издавали скрип, причем это случалось с ними в самый непредсказуемый момент. Однако я добралась до гостиной. Внизу уже не было так тихо. Что-то бормотал телевизор, потом я услышала пищание какого-то электронного устройства. Каждый звук заставлял мое сердце замирать на месте, а потом пускаться вскачь, как обезумевшую дикую лошадь. Андре был здесь, где-то в доме. Я услышала смутное, неразборчивое эхо его голоса. Он на кухне? Черт! Я увидела вдруг на диване в гостиной свой рюкзак и телефон с кошельком, валяющиеся рядом. Значит, Андре копался в моих вещах. Что он мог найти там? Да ничего.

Зачем, интересно, Одри пыталась меня поджечь? Было ли это по воле Андре? Нет, не могу в это поверить. Я вспомнила, как он вытаскивал меня из машины, как тушил огонь на моих руках. Нет, он не знал об этом. Одри ненавидела всерьез, я стала ее смертельным врагом, а таким невозможно управлять, такое невозможно контролировать. Одри ненавидела меня, потому что Андре меня любил.

Я на цыпочках подошла к дивану, отпустила на секундочку Костика, чтобы взять рюкзак и телефон. Затем снова подцепила кота, и тот громко мяукнул. Голос вдалеке вдруг замолчал, и я похолодела. Пулей я забежала за диван и присела на корточки. Я сделала это очень вовремя, потому что почти сразу раздались шаги Андре – где-то со стороны кухни.

– Ты можешь просто ответить на прямой вопрос или нет? Ты произносишь слова, которые не имеют для меня никакого смысла. – Андре говорил по-французски, стало быть, с Габриэль. – Да мне наплевать, какие будут последствия.

Я не дышала, понимая, что, если он сейчас посмотрит на диван и недосчитается рюкзака с телефоном, всё будет кончено. Страх лишил меня способности контролировать движения, и в какой-то момент моя голая нога скользнула по паркету.

– Подожди секунду, – продолжил Андре по-французски.

Я закрыла глаза, не имея ни малейшего представления, что мне сделать и как защитить себя. Сейчас он заглянет за диван... Я задержала дыхание, как вдруг Костик вырвался у меня из рук, мяукнул и запрыгнул с пола на спинку дивана. Андре негромко чертыхнулся, а затем его голос снова стал отдаляться.

– Нет, ничего. Это просто кот. Нет, я не уеду отсюда.

Это было последнее, что я услышала. Как только голос затих, я выглянула из-за дивана и, убедившись в том, что Андре ушел, рванула к входной двери. Поймать Костика теперь не было никакой возможности, и я рыдала на бегу, думая о том, что мой умный кот убежал, чтобы отвести преследователя от меня в другую сторону. Я подхватила кроссовки и выбежала на улицу, так и не обувшись. Калитка открывалась изнутри одним нажатием кнопки. Я знала, что, если дом поставлен на охрану, в нем тут же раздастся сигнал, и потому бежала по холодному асфальту, не жалея ног.

Должно быть, я являла собой ужасное, пугающее зрелище. Слишком легко одетая женщина с перепуганным, заплаканным лицом, со связанными руками, с кроссовками и рюкзаком в руках. Наверное, я походила на жертву изнасилования, как в каком-нибудь дешевом фильме, но реальная Москва спокойно неслась мимо, не обращая на меня никакого внимания. Прохожие отворачивались, машины даже не притормаживали. Да и не так много встречалось людей, пока

мне не удалось добраться до какой-то большой улицы. Вдруг рядом со мной остановилось желтое такси с шашечками и какой-то рекламой. Я мигом нырнула в машину и упала на заднее сиденье, словно по мне стреляли, а я надеялась увернуться от шквального огня.

– Проблемы? – спросил таксист после некоторой паузы. Голос его звучал спокойно и как-то на удивление по-бытовому. Похоже, его ничто не могло удивить. – Позвонить в полицию?

– Нет, в полицию не надо, – ответила я после некоторого раздумья. И этот мой ответ тоже не удивил таксиста. Он проехал еще некоторое расстояние, а затем припарковался на обочине дороги и повернулся ко мне. В его руках блеснуло лезвие ножа. Я заорала, хотя нож и не был большим. Скорее карманный, такой, где много лезвий и есть даже вилка и пилочка для ногтей.

– Чего орешь? С веревкой помочь? – обиделся водитель, впрочем, не сильно. Мое поведение было вполне понятным, если отдать дань тому, в каком виде я попала к нему в машину. Я кивнула и протянула вперед связанные руки. Несколько минут ушло на то, чтобы перерезать его почти тупым лезвием хорошую, качественную веревку, которой меня связал Андре. Освободившись, я потеряла запястья и несколько раз сжала и разжала кулаки. Затем я натянула кроссовки на босые ноги и набрала мамин номер. Я боялась только одного – что мама не ответит. Она могла быть занята, могла быть и

свободна, но выключила телефон, чтобы ее не доставали, пока идут съемки или репетиция. Но она ответила.

– Ты в порядке? – спросила я раньше, чем она успела сказать мне хоть что-то. – Ты где?

– Я в Петербурге, – ответила мама невозмутимым голосом. – А что?

– Мне... мне очень нужно с тобой поговорить. Но еще больше мне нужно, чтобы ты была как можно аккуратнее. Нам... угрожает опасность. Я не могу объяснить.

– Не можешь объяснить, не объясняй, – ответила мама, и я взбесилась, потому что вообще не была уверена, что она меня слушает.

– Мама, я приеду к тебе, но ты можешь пообещать мне, что все это время будешь с Шурой, что отменишь запланированное и запрещаешь в гостинице, дожدهшься меня?

– Господи, что опять стряслось? – возмутилась она.

– Я приеду, как только смогу, – бросила я. – Просто пообещай.

Она не стала мне ничего обещать. Кто бы сомневался. Сказала, что вечером у нее спектакль и она просто не может его отменить. Но даже если бы и могла, не стала бы. Зритель ждет! Ее единственная любовь, преданность которой мама готова была хранить на протяжении всей своей жизни. Она не изменяла своему зрителю ни с моим отцом, ни с одним из своих многочисленных любовников. Она не изменяла свое-

му зрителю даже со мной. Мама обожала зрителя с такой же болезненной страстью, с какой Одри обожала Андре. Я отключилась и только потом заметила, каким взглядом смотрит на меня таксист в зеркало заднего вида.

– Точно не надо в полицию? – переспросил он. Я покачала головой.

– Отвезите меня в Бибирево, – попросила я.

* * *

У меня было мало времени и почти не осталось сил, но, как ни странно, моя голова работала яснее и лучше, чем когда-либо. Уже в Бибирево я попросила таксиста остановиться около какого-нибудь банкомата, я достала из кошелька кредитку, которую мне дал Андре. Я не была уверена, что получится раздобыть хоть сколько-нибудь денег, все-таки карточка была французской, а я хотела вытащить наличные из российского банкомата. Но я знала пин-код, его периодически спрашивали в магазинах, и я его помнила. Я задумчиво постояла несколько мгновений, пытаюсь ответить на вопрос: «Какую сумму хотите взять». Я взяла тысячу евро. Автомат подумал, затем прожужжал чем-то внутри и выдал мне требуемое. Я улыбнулась и повторила операцию, удвоив сумму. Получилось. Мне удалось снять семь тысяч евро, на восьмой начались проблемы. Золотая карта имела ограничения, и экран выдал мне надпись о превышении ежедневного ли-

мита на снятие наличных. Я уменьшила сумму, попросила пятьсот – равнодушный банкомат выплюнул мне еще стопку купюр по пятьдесят евро. На этом он остановился.

Я пожала плечами, мне было достаточно и этого. Я записала большую часть денег в сумку, а вторую часть – разными купюрами – в карман джинсов. Я представила, как на мобильный телефон Андре сейчас приходит миллион сообщений от банка о том, как я опустошаю его кредитку. Что ж, он вполне хорошо представляет, чего от меня ожидать. Я разломала карточку и выбросила прямо там, в закутке с банкоматами. Андре уже шел по моим следам.

– Столько хватит? – спросила я, протягивая таксисту сто евро. – Разворачивайтесь.

– В смысле? – удивился тот. Я повторила, что хочу, чтобы он развернулся и поехал в центр города, после чего мужчина, чуть утратив свою невозмутимость, кивнул и забрал деньги. Логика моя была простой. Андре знает, что я вытряхнула все из его золотой карты, и скоро он выяснит, что я сделала это не где-нибудь, а именно в Бибирево. Могу поспорить, что он уже едет ко мне на квартиру и, очень может быть, даже где-то в соседнем ряду машин. Андре умеет ездить очень быстро, а если к делу подключат водителя его отца, на машине с мигалкой, то у меня вообще не останется шансов. Когда я войду в квартиру, они уже будут там сидеть.

– Отвезите меня на Ленинградский вокзал, – сказала я,

нервничая по поводу того, что это мое движение тоже настолько легко предсказать, что мне никак нельзя успокаиваться.

Я вышла на площади трех вокзалов и нырнула в торговый дом неподалеку, пытаясь отделаться от ощущения, что за мной уже следят. Ничего не зная о маскировке, я просто не знала, что подобрать. Я никогда не создавала никаких образов, предпочитая в основном спортивные костюмы, джинсы, бесформенные кофты и кроссовки, а также рюкзаки за спиной вместо дамских сумочек. Если бы я сейчас захотела, как Дик Вайтер, поменять цвет глаз или волос, нацепить парик или притвориться какой-нибудь модницей, я провалилась бы, даже не покинув торгового центра. Ни единого шанса, что бы я ни делала, в кого бы ни попыталась перевоплотиться.

Разве что могла попробовать перевоплотиться в саму себя.

– Скажите, а у вас есть ветровки с капюшонами? А бейсболки? И свитер мне тоже нужен. И рюкзак новый.

Продавщица смотрела на меня, как на умалишенную, что было не так уж далеко от истины. Я сбросила клетчатые штаны и майку, а взамен нацепила самую типичную одежду нашего века. Голубые джинсы, плотную водолазку серого цве-

та с непонятным абстрактным рисунком, темно-серую ветровку. На спину надела черный рюкзак. Серый призрак, Летучий Голландец на перроне Ленинградского вокзала — я стала еще более неприметной в этой одежде. Закрыв лицо бейсболкой, а уши — наушниками, я даже выкинула телефон, окончательно почувствовав себя в этот момент шпионкой. Я выкинула его в мусорку рядом с фургончиком, продающим шаурму «с колёс».

Через минуту я прибежала обратно и принялась копать-ся в мусоре, выковыривая телефон обратно. Я не помнила ни одного нужного телефонного номера, а оказаться в Питере безо всех контактов было глупо и бессмысленно. Продавец шаурмы, худенький чернявый парнишка ярко выраженной кавказской наружности, смотрел на меня удивленно и немного брезгливо. Из кармана моей серой ветровки торчал билет на Сапсан.

— А вы заворачиваете шаурму в фольгу? — спросила я. Продавец помолчал, но затем кивнул. Я предложила ему двадцать евро за почти еще не начатый рулон пищевой фольги. Он продал мне его с готовностью, предложив в нагрузку накрутить еще и шаурмы. Я согласилась.

— А зачем вам фольга? — спросил продавец, нарезаая тонкие полосочки мяса (я надеялась, что из свинины). Хитро улыбнувшись, я предложила ему еще двадцатку, если он пу-

стит меня к себе и даст провести эксперимент.

– Конечно, – радостно согласился он, и я нырнула в недра фургончика. Там было тепло и пахло перцем, уксусом и, кажется, хмели-сунели. Мальчишка забрал двадцатку и теперь с любопытством наблюдал за тем, как я отключаю свой телефон и заматываю его в плотный слой фольги, заботливо оборачивая со всех сторон.

– Прячешься от ментов? – спросил он наконец. Я не стала его разочаровывать и кивнула, и в глазах у паренька промелькнуло что-то вроде уважения. Он вытер руку об фартук и протянул ее мне.

– Ахмед, – представился он.

– Людмила, – ответила я, пожимая его худую ладонь. Вряд ли Ахмед сам ел свою шаурму, но я ее слопала, так как не знала, когда еще мне удастся подкрепиться. Не знала я, и что буду делать – и в Питере, и вообще со всей своей жизнью. Теперь, когда я смогла убежать от человека, которого люблю. Любила. Темный принц, который хочет меня убить, почему мне так одиноко без тебя? Я больше не ценю свободу, она не нужна мне, а я-то думала, что отдала ее тебе, когда сделала татуировку на руке. И вот я свободна, я ничья. Бегу, спасая свою жизнь. Неужели исход такой любви, как наша, был неизбежен? Я не хотела в это верить.

– Ага, как же. Людмила, – усмехнулся он.

– Дай-ка мне свой телефон, Ахмед, – попросила я. Парень без промедления сунул мне большой, похожий на план-

шет китайский аппарат. Я набрала свой номер и услышала, как механический голос робота сообщает, что мой телефон занят. Интересно. Я позвонила еще. Снова занят. И опять. И опять. Определенно, фольга отбивала сигнал, но до конца ли? Этого я сказать не могла. Что еще я могла сделать? Я запихнула телефон в сумку. В фольге он стал напоминать мне шоколадку «Вдохновение».

– Могу продать тебе телефон. В нем всё есть, даже роуминг, – предложил мне «щедрый» Ахмед на прощание. Я подумала и кивнула. Тогда предприимчивый Ахмед забрал у меня еще триста евро, а взамен коряво записал на куске промасленной бумаги номер телефона, пароли к приложениям, логины к системе и данные своего аккаунта в виртуальном магазине. В качестве бонуса отдал и зарядное устройство.

– Сервис на грани фантастики! – восхитилась я. Ахмед ухмыльнулся.

– Ты только пароли не забудь, Людмила, дорогая, а если что, в абонентскую службу не обращайся, – многозначительно добавил он, тараща глаза. Его китайская игрушка наверняка была краденой, но она оказалась как никогда кстати, когда я уже мчалась в сторону платформы.

После я стояла на перроне в ожидании бесшумного поезда, такого быстрого и похожего на пулю, что казалось, будто он слетел по рельсам из будущего. Меня не покидало чувство, что за мной кто-то следит, хотя, сколько я ни высмат-

ривала хвост, осторожно бросая взгляды из-под бейсболки, никого не заметила. Паранойя.

Не стоит недооценивать противника. Андре... Возможно, Дик Вайтер тоже недооценил его, и теперь вот лежит в морге. Сережа вообще не думал об Андре как об угрозе, а только как о мужчине, который увел его девушку. Я ждала поезда, и сердце начинало стучать как сумасшедшее, стоило мне подумать, что Андре где-то здесь, выслеживает меня. Он наверняка уже сообщил своему отцу о случившемся. Возможно, они подключат к моим поискам полицию. Что они им скажут, какую придумают историю? Разошлют на меня ориентировки, назовут меня возможной террористкой? Напишут, что я пропала без вести? Скажут, что я беглая преступница?

Поезд подошел, и я запрыгнула в него с такой радостью, будто внутри него была защищена от любых невзгод. Я прошла в конец и села у окна, чтобы в случае чего можно было быстро покинуть вагон и перейти в следующий. Рядом со мной уселся грузный мужчина средних лет, в хорошем костюме, без шеи, с отчего-то хитрым взглядом с прищуром. Мужчина спросил, как меня зовут, и я сразу начала волноваться. Паранойя.

– Людмила, – ответила я сухо и уткнулась в телефон.

– Значит, поедem вместе? – продолжил было разговор мужчина, а я отметила про себя, что своего имени он не

назвал. Я неопределенно кивнула ему, и мужчина вздохнул разочарованно. Разговоры в поездах – это отдельное удовольствие, которого многие ищут и желают. Я же лишила его этой возможности. Мужчина достал планшет и принялся что-то читать. Я заглянула в экран. Какой-то автомобильный сайт. Нет, не похоже на то, чтобы он был шпионом. Впрочем, что я знаю про шпионов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.